

An abstract painting with dark, swirling black and grey tones. There are vibrant splashes of red, orange, and blue, particularly in the upper left and right areas. The overall effect is one of intense, chaotic energy.

Андрей ШИЛОВ

СФАЛЬШОВОЕ
СОЛНЫШКО

Андрей Шилов

Фальшивое Солнышко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713404

ISBN 9785447459314

Аннотация

Сборник психоделических сказок для взрослых, продолжающих традиции Дэвида Линча в кинематографе и Хорхе Луиса Борхеса в литературе; эмоциональный пик сборника – повесть «Фальшивое Солнышко», разрывающая ваше сознание и меняющая представление о традиционной реальности.

Содержание

Содом – город рыбный	5
Фальшивое Солнышко	14
Арбузный Мальчик	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Фальшивое Солнышко неСказки Андрей Шилов

© Андрей Шилов, 2016

© Маша Шилова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содом – город рыбный

*«Система сгнила,
как всякая порядочная рыба...»*
Александр ЛЕБЕДЬ.

– Помнишь, бабка, в тот год, когда Брайан Джонс утонул в своем корыте, сошли с ума все собаки? – Щукарь досадливо щелкнул языком. – Клевое время было!

– Да, – чмокнула бабка обвисшими губами, – мы их тогда три года жрали. А то щас: одна рыба.

Щукарь ущипнул себя за бороду, но не проснулся.

– Да я ж не сплю, – вспомнил он и хлопнул себя по лбу.

– Ась? – не расслышала бабка.

Щукарь хлебнул ухи, брезгливо поморщившись.

– Говорю, с мазилой вчера бредень в запруд тюркали, аж два раза. И ничего! Третий раз тянем, а там – рыба сом с большим усом. И давай он нам про семью да про детишек...

– Кто? Ведров, что ль?

– Не, сом, – Щукарь отставил пустую лохань и на полную катушку врубил патефон. – В этой дыре...

*Will all your money buy you for giveness,
Keep you from sickness or keep you from cold?*

– Эх, дед, была б моя воля, я б всех твоих голубых педе-

растов поутопила б! Развели, понимаешь, рябь несусветную, простому человеку сунуться некуда – разве только в омут?! Деньги сетью тянут, блядуют напропалую да вас, дураков, туда же. Выпили-то с мазилой сколько, ась?

– Да не пили мы. Ну, самую малость, – дед изобразил руками что-то вроде фокуса. – Ну вот, он и говорит: так мол и так, господа-товарищи, что хотите просите, только отпустите! А мы ему: что можешь-то? Могу, говорит, страну вашу свининой накормить, могу одеть-обуть во все модное, а могу и вовсе вечными вас сделать, на небо отпустить, только нежелательно это.

Бабка кировато насупилась:

– Это точно, нежелательно. Как представляю – всю жисть в лаптях ходить да карасей дрючить, селедку потрошить – боязно. А от свининки зря отказался! Тыфу ты, размечталась... Пить надо меньше, дед, и перестанут сомы к тебе ходить. Не дело это.

Щукарь вновь ущипнул себя за бороду и продолжительно уснул. И снилось ему чудо.

Будто вошел в их раздолбанную хату купец-молодец, пальцы веером, клеши клевером, и говорит:

– Хочешь, Щукарь, я тебе милость сделаю?

– Хочу, – отвечает Щукарь, – чего ж не хотеть. Только что за милость твоя?

– А то и милость, что сам знаешь. Живешь-то, поди, в Нижнем Содоме...

– Живу, – говорит, – но сам не знаю, чего хочу. Вот и сома волшебного отпустил вчера.

– Не гони, дед. Не бывает сомов говорящих. Но нравишься ты мне глупостью своею, так и быть, сделаю я тебе милость.

С такими словами вывел он Щукаря в огород, покопался в кармане своем малиновом, достал зернышко бобовое и бросил в землю. Старуха охает, а зернышко то росток дало. Помочился на нее купец-молодец, оно и выросло до самого неба – ни конца ни краю не видать.

– Лезь, – говорит. – Там и милость найдешь. Да не забудь бобов-то нащипать и в мешок собери. Внизу пригодится...

С такими словами и исчез, лишь пыль столбом от коня шестисотого. Отпихнул Щукарь бабку и полез наверх. Ветер в ушах свистит, птицы железные туда-сюда шныряют, а он все лезет. И слышит, как бабка внизу матерится, на чем свет стоит его прокликает.

Набрал он ажный мешок и давай спускаться, да запутался во व्यюне проклятом и мешок-то из рук выпустил. Спустился вниз, а старуха мертвая лежит, мешком убитая.

Тут Щукарь и проснулся.

*Will all your money keep you from madness,
Keep you from sadness when you're down in the hole?*

– Белуга! – доктор Выюн заискивающе посмотрел на баб-

ку. – Хана деду. Впрочем, если рыбьим жиром попробовать...

– Говорила ведь, бросай пить! – запричитала бабка, подталкивая лекаря к выходу. Вьюн покосился на спившегося Щукаря и ему сделалось обидно.

– Послушайте, любезная, – попытался урезонить старуху, – ведь время тратил, на вызов спешил, то да се, а вы... Хоть косяком угостили бы. Бабка сжалилась и протянула Вьюну ржавую консервную банку:

– Последний.

– Милостиво благодарим! – лекарь немедленно занюхнул понюшку и тут же встретился с дедом. – Отменный косячок, скажу я вам, давно такого не нюхивал.

Щукарь презрительно поморщился.

– Мне бы водочки.

– Водочку браконьеры попили, – Вьюн досадливо махнул рукой, вильнул хвостом и исчез в бурных зарослях криптокорины.

Ржавая банка с невероятным грохотом, свойственным средним широтам, грохнулась на каменистое дно водоема, распугав ершистую мелюзгу. Сом поманил усами Щукаря – тот осторожно приблизился. В умных сомьих глазах блеснул огонек доверия.

– Скажи, Щукарь, в чем, по-твоему, сила?

– Да не знаю я, – Щукарь почесал затылок. – Наверное, в деньгах.

– Вот и брат-судак так говорит... А по-моему сила в правде, у кого она есть, тот и сильней.

Щукарь спросил его – а у кого она есть? – но сом уже прилип к какой-то зеленой склянке и ничего не расслышал, кроме собственного биения сердца и приближающегося штора.

Щукарь поплыл дальше, разглядывая корявые надписи на заборе, сделанные подводным мелом. Одна из них гласила:

«ВСЕ ЛЮДИ – ЗВЕРИ, ВСЕ РЫБЫ – ПТИЦЫ»

– Клево! – восхитился Щукарь невиданному полету мысли неизвестного пиита. – Небось, год сочинял?!

Деду показалось, что это чистой воды проповедь, и чтобы спасти от казни кровавой неизвестного пиита, стер он надпись хвостом и дальше поплыл, весьма ошастливленный своим поступком, приговаривая утреннюю молитву:

– Рожденный плавать летать не сможет, рожденный плавать летать не сможет, рожденный пла...

По правый плавник белела другая надпись:

«КИЛЬКА – ЖЕНЩИНА ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ»

– А кто ж тяжелого? – подумал дед. Сам себе и ответил. – Должно быть, стерлядь.

– Дурак ты, Щукарь, и надписи твои дурацкие, – неожиданно подкравшийся Ведров-Водкин больно ткнул его в брюшко. – Не проголодался, что ль?

Так плывем скорей, там икру Йозефа выдают, настоящую;

Лебедь, говорят, всем гуманитарную помощь объявил. Так и сказал: среда, мол, рыбный день, то есть наш день с тобой.

– Мне бы водочки, – промямлил Щукарь, но от приглашения не отказался. Наверху было полно разношерстного народа: тут тебе и толстолобики тупорылые, тут тебе и уклеики приставучие, даже рак забрел на угощение, правда, тут же был сожран с пивом каким-то заезжим чудом-иудом.

– Не можно жить так, – увещевал его сам Лебедь. – Не ешь себе подобных, это закон. Нельзя и на хер сесть, и рыбку съесть. Это закон. И жариться на адовой сковородке всем, преступившим сеи законы. Аминь. Противно стало Щукарю слушать законы Лебеда, он осторожно отплыл от коллектива и, бросив якорь у ворот ночного клуба «РыбоLOVE», тихо загрустил о всеобщем счастье.

*Down in the hole, down in the hole,
No escape from trouble, nowhere to go.*

Бабка рубанула кулаком по столу и призвала Щукаря к вечерней молитве.

– Тебя ж мешком убило? – удивился Щукарь.

– Хе, – ответила бабка и ехидно ухмыльнулась. – Тогда ты от белуги сдох!

– Странно, – сказал Щукарь. – От белуги я, может, и сдох, да как же я тогда с Вьюном встретился?

– А он тоже сдох, косяка моего понанюхался и сдох.

– Кого ж теперь вызывать-то будем?

Бабка задумалась, но скоро нашлась с ответом:

– А его и будем. Знаешь, дед, лучший лекарь – мертвый лекарь.

– Клево! – встрепелулся Щукарь и принялся за молитву. Бабка вторила ему нежным податливым басом.

– Дай Бог нам заснуть и не дай Бог нам проснуться... Дай!

Они доели уху и начали перестукиваться.

В иллюминатор вперилась толстая рожа человека-амфибии.

– Здорово, хозяева! Слыхали последнюю новость?

Хозяева не ответили.

– А новость такая, крупный рогатый скот и акулы шоу-бизнеса объединились, войну нам объявили, хана всем!

– Лосось с тобой, – морзянка Щукаря отбивала четыре четверти.

– Килькой буду! – Ихтиандр осенил себя крестным знаменiem и запел какую-то заунывную песню.

– Вали отсюда, перекаати-поле проклятое, – морзянка бабки была чуть глуше и отдавала явной угрозой. – Лучше б помог нам выбраться отсюда.

– Я сам в глубокой тине! По уши!

Ихтиандр исчез из иллюминатора. Из-за прочного стекла раздалась его заунывная песнь:

«Мир ночен, – пел Ихтиандр. – Он прекрасен очень. Мы как сельди в бочке и бычки в очке. Я страдаю почкой. Я до-

шел до точки. И я так задрочен, как рыба на крючке».

– Грустная песня, – прохрипел Ведров-Водкин, борясь с последним проявлением похмелья.

Шумной гурьбой стерляди проплыли на нерест.

– Хороший будет улов! – радовались грязные рыбаки, поглаживая тонкие талии своих спинингов.

Мимо грязных рыбаков медленно и бесповоротно проплыл корабль уродов, трижды прогудев в свои медные трубы.

Высокий капитан с пулеметной лентой через плечо в последний раз оглянулся на рыбаков и, готовясь к шторму, вяло пошевелил ртом:

– Эх, вот раньше рыба была... В воду без трусов не войдешь...

*There's something down in the hole,
Down, down in, down in the hole.
Something down in the hole...*

– Наверное, им кажется, что они живут в огромной реке, – девочка лет восьми покрошила в аквариум сухой корм и постучала по стеклу.

Щукарь взглянул в небо, ужаснувшись: громадных размеров указующий перст самого Господа навис над ним. Щукарь опустил голову и продолжил молитву:

– Дай Бог мне заснуть и не дай Бог мне проснуться! Дай... Ведров-Водкин, старуха, купец-молодец, Вьюн в обнимку с напوماженной стерлядью, чудо-иудо, Йозеф, чело-

век-амфибия, даже Лебедь с оравой акул шоу-бизнеса собрались вокруг Щукаря в ожидании своего последнего шторма, но час не пробил.

Они жили мерзко и несчастливо, да так и не умерли.

Фальшивое Солнышко

Смыв с розовых ладошек перламутровую вязкую кровь, Славка Колбешкин в последний раз втянул ноздрями ее ускользающий аромат, все еще дурманивший в этой предвечерней безмятежности ранней осени, и вытер руки о разодранные на коленках джинсы. Когда мутная речная вода замерла и зазеркалилась, он наклонился, он вгляделся в ее поверхность, но увидел не свое отражение, а печальную улыбку и красивые, подернутые легким тревожным муаром, зеленые, как сама смерть, глаза Любаши Пересветовой.

– Ты будешь думаться мне всю жизнь, – он хлопнул ладонью по ровной глади воды, разогнав в ней облака и навсегда превратив Любашу, это небесное создание, в яркую, словно молния, но жестокую вспышку детства.

Славка запрокинул голову вверх и зажмурился, —

*(раз, два, три, четыре, пять,
я иду тебя искать)*

...высунув свое холеное личико из-за дубовой, по-осеннему куцой листвы, фальшивое солнышко ехидно подмигнуло ему.

– Ау! – услышал он за своей спиной звонкие голоса детворы.

– Ау!! – услышал он впереди себя робкое, вкрадчивое дыхание речного эха.

– Ау!!! – услышал он и очнулся; аромат испарился, и солнышко замерло над дубравой.

– Что? – непонимающе уставился Славка на поспевшего к нему первым Пестика.

Пестик, Андрюха Пестель, лицо неизвестной национальности, так и не успев толком отдышаться, затараторил:

– Слав, а мы тут, мы... Ты Любашку не видел? Спряталась где-то, а я вожу. Ты, вот, и она остались. Я думал, вы вместе... Долго уже ищем!

Славка почесал бритый затылок.

– Ну, во-первых, не Любашка, а Люба; во-вторых, – Славка сурово покосился на подошедших к ним ребятишек, – нет, не видел. Может, она в сад пошла, поздно ведь. И ужин скоро.

– Что я вам говорил?! – Пестик победно потрянул рыжими кудрями. – Что я вам говорил?!

– Раз так, то уж, конечно, нужно вернуться, – рассудила Маша Умнова, – а то тетя Ариадна волноваться будет. Хватит ваших дурацких прятков!

– Ух, ты! – Пестик зачарованно глядел в воду. – Смотрите, какой рачище!

Олечка-Трусиха поморщилась, сделав осторожный шаг к Пестику, Катя и Коля Прокофьевы выглянули из-за его спины; и действительно, сантиметров в тридцати от берега

по коричневому песку полз чудо-рак, грозно растопырив гигантские клешни.

– Поймаем его! – Пестик наклонился, но Славка Колбешкин остановил его, дернув за рукав куртки.

– Когда я была совсем маленькой, – Маша попробовала пальчиками воду. – Холодная... Так вот, когда я была маленькой, меня постоянно спрашивали взрослые, сколько же мне лет. Я показывала на пальцах. Однажды папа поймал рака – тот усердно двигал клешнями, стараясь его ущипнуть. Я тогда рассмешила всех, сказав, что ему, этому раку, как и мне, два годика...

Коля и Катя захихикали. Олечка снова поморщилась:

– Ну и глупая же ты была.

Маша промолчала.

– Ладно, пора! Славка Колбешкин потянул Пестика к тропинке, туда, где два дерева на входе в лес образовывали «чертову арку».

Прокофьевы, взявшись за руки, – ну прям как Ромео и Джульетта из голливудского блокбастера, – вприпрыжку припустили по тропинке и вскоре скрылись в зарослях дубняка. Остальные нехотя двинулись вслед.

Славка, шедший последним, все норовил подцепить носком ботинка хотя бы один желудь, что ему никак не удавалось. Тогда он подобрал с земли метровую палку, невольную свидетельницу десятков пронесшихся мимо детских прихотей, и равнодушно стал насаживать на нее желтые дубовые

листья: некоторые, совсем засохшие, тут же крошились, другие покорно продавливались, образуя своеобразный венок из наштигованного лесного серпантина.

Маша Умнова обернулась.

– Шашлычные бусы из плоского янтаря? – спросила она.

– Янтарный шашлык из засохших бус, – уточнил Славка. –

Только это не для тебя.

Маша ухмыльнулась:

– Я и не думала ничего такого...

– А что мы будем делать, если тетя Ариадна заругается? – поинтересовалась шедшая первой Трусиха.

– Почему это она заругается? – удивилась Маша.

– Но мы же не нашли Любку. Вдруг ее и в саду нет?

– Не нашли, значит, не нашли.

Славка Колбешкин изо всех сил долбанул палкой о могучий ствол дерева, да так, что насаженные на нее листья разлетелись во все стороны. Девочки обернулись. Колбешкин сплюнул, в его глазах заиграл недобрый огонек:

– Она сама не нашлась. Если будет нужно, мы так и скажем. Ясно вам?

Олечка-Трусиха захлопала в ладоши, быстро сообразив, что в любом случае бояться им нечего. Умнова подошла к Славке и трогательно прильнула к его уху:

– Какой же ты находчивый! И благородный!

Олечка с завистью покосилась на них.

– Хоть бы деревяшку свою выбросил, Казанова!

Маша выхватила из его рук палку и отшвырнула в сторону речки.

– Кстати, – сказала она, – меня этот наш придурок-немец, этот Фри, недавно по деревянному обозвал.

– Как это? – забыла обиды Олечка-Трусиха. – Как это, «по деревянному»?

– Он обозвал меня сучкой.

– Фу, гадость какая! – Трусиха подняла глаза на Колбешкина, ища поддержки, но тот не слушал ее.

Славка пересчитал всех, включая и убежавших Колю с Каетей, пересчитал еще раз и не досчитался одного.

– Где Пестик? – он остановился.

Девчонки застыли, как вкопанные.

(море волнуется раз, море волнуется два...)

– Здесь я, здесь, – откуда-то справа, из густых зарослей малинника показалась его конопатая физиономия. – Чего раскричались?

– Вот зараза! – Трусиха залилась заразительным смехом. – Опять мурашей жрал!

– Они же кисленькие, – стал оправдываться Пестик. – Сами попробуйте.

– Вот еще... Ну, хоть не пропал никуда, как некоторые. Слава Богу! – выдохнула Умнова.

Олечка подозрительно покосилась на нее:

– А почему ты так часто вспоминаешь Боженьку?

– Меня мама учила... Ведь Боженька во всем, и что бы мы ни делали, в прятки там, в салочки, он зорко следит за нами и всегда все видит и знает. Уж ему-то известно, где сейчас Люба.

Колбешкин невольно вздрогнул.

– Чего встали? Идти пора, Ариадна беспокоится...

Он шарахнул ногой по пустой, выгоревшей на солнце, картонной коробке из-под кефира, та ударилась о могучий ствол. Где-то впереди в то же мгновение скрипнула сухая ветка. Трусиха вытаращила глазенки, но из-за деревьев к превеликой ее радости не выползли кровожадные гномы, и злым троллям-людоедам, видно, не было никакого дела до нее. Олечка спокойно вздохнула, переведя взгляд на Машу Умнову:

– Скажи, правда ли то, что ты говорила про Боженьку?

– Что я говорила?

– Что Боженька везде и во всем.

– Да, – кивнула подружка.

Трусиха ненадолго погрузилась в свои мысли, потом, таинственно округлив глаза, будто осознав нечто ужасное, прошептала:

– Но это же неприлично...

Маша пожала плечами; о приличии в столь юном возрасте ей было известно не больше, чем о магии приготовления воздушных крекеров, так любимых ею. Зато она знала мно-

жество занятных историй, и одну из них Машенька решила немедленно рассказать ребятам. Она присела на корточки, округлив голые, сбитые до синяков коленки, и стала выводить пальцем на песке странный узор, напомнивший Славке Колбешкину то ли кенгуру с детенышем, то ли первобытного астронавта из потрепанной отцовской книжки про некогда вымершее племя майя.

– Жаль, – сказала Маша, – что мы так и не нашли ее.

– Что? – не расслышал Пестик.

– Так, ничего особенного... Хотите, я расскажу вам сказку про Арбузного мальчика, который...

– Поздно уже, – перебила ее Трусиха.

– И есть хочется, – добавил Пестик.

– Рассказывай, – рассудил за них Славка. – Только покороче, чтоб до сада дослушать.

Маша скосила глаза к переносице, зачерпнула ртом побольше воздуха и...

Арбузный Мальчик

Когда-то очень-очень давно, в те волшебные времена, когда молочные реки омывали кисельные берега, а над советской бахчой дедушки Пандалло летали жареные куропатки, жил-был мальчик, и любил он... Что бы вы думали? Нет, не фруктовое мороженое и не дикий ранет. Нет. До коликов в животе обожал он ворованные арбузы. Впрочем, всякие арбузы любил мальчик, но особенно мил ему был редкий по тем временам сорт – «Бледный крокодайл академика Брумеля». Увы, имя это старинное и странное, не объяснимое до сих пор, да и арбузов таких уже нет.

Так вот, собрался как-то мальчик по арбузы. Взял с собой мешок и отправился в путь.

Шел он лесом до бахчи, встретилась ему полянка, вся усеянная грибами. Тут и чернушки-дребедушки, и лисички-сестрички, и шпик-боровик... Разбежались глаза у мальчика, и давай он собирать все подряд в свой мешок. Набрал половину и дальше пошел.

Вдруг – на опушке – малинник, а поодаль, на лужайке, – земляника так и просится в рот. «Съешь меня», – умоляет ягода. Наелся мальчик, пополнил мешок и – в дорогу. До бахчи только к вечеру добрел. Арбузов видимо-невидимо, да некуда складывать, мешок-то полон. Взял мальчик и вывалил все на землю – и грибы, и ягоды. Три чудо-арбу-

за смог он поднять. К чему больше? Один – себе, другой – тятеньке с матушкой, третий – братику с сестричкой. Только обратно шаг сделал, смотрит, выросла над ним могучая фигура дедушки Пандалло, местного сторожа, участника двух революций и трех кровопролитных войн.

– Что тебе, дедушка Пандалло? – спросил Арбузный мальчик.

– А то, паря, что зря ты арбузики домой набрал.

– Это почему?

– Видишь палку в моей руке? – спросил дед, чуть приподняв здоровенную палицу с чудовищным шипом посередине.

– Вижу, не слепой.

– А зачем она мне, скажи?

– Зачем? – переспросил Арбузный мальчик.

– Да затем, что бледные крокодайлы народятся из косточек, а я их палкой этой на тот свет... Потому как злющие они, спасу нет.

Мало что понял мальчик из дурацкого рассказа старика, решил уточнить:

– Так что же мне делать-то? Я арбуза хочу.

– Хотеть не вредно, да воровать нельзя. Много чего нельзя, а воровать особенно. Не носил бы ты эти арбузы домой, горе от них будет...

Не послушался Арбузный мальчик мудрого деда Пандалло, приволок домой мешок. А среди ночи проснулся – кровища вокруг: и маменька с тятенькой, и братик с сестричкой

мертвые лежат, народившимися крокодайлчиками укушенные. Рядом, на полу – арбузные корки да гора косточек. Открывается дверь, Пандалло на пороге.

– Предупреждал я тебя, – говорит он, – не носи домой бледных крокодайллов академика Брумеля, ибо зло в самих косточках. Кто проглотит, того крокодайлчик изнутри сожрет, а кто выплюнет – того снаружи. Видишь, эка...

– Вижу, – развел руками Славка Колбешкин. – Только в толк не возьму, почему я выжил.

– Мал еще потому как, – дед крикнул и уселся за родительский стол набивать махрой усманской «козью ногу». – Невдомек тебе еще, что все одно сожрут, не сегодня, так завтра.

Обиделся Арбузный мальчик, схватил ручонками своими палицу сторожью (откуда только силы взялись!?) и со всей дури саданул ей по седой голове дедушки Пандалло; так голова по хате и покатилась, а в мертвых глазах – недоумение.

Отфутболив подальше от себя Пандаллову голову, Арбузный мальчик сделал три шага к зеленой настольной лампе, облепленной мотыльковой живностью, и с нечеловеческой грустью в дрожащем голосе произнес:

– Трудно быть маленьким.

Эти слова потом так и записали.

– Где записали? – не понял Славка.

– Да на могилке его, – Маша Умнова отмахнулась от назойливого комара.

(... И воздуха хватило ей ровно на десять минут...)

* * *

Славка Колбешкин сглотнул набежавшую слюну и больно ударился лбом о внезапно возникший перед ним навесной рукомойник.

– Citrullus proklatus! – завопил Фри, потирая шишку на лбу. – Мы с тобой три часа не виделись, а ты сразу драть-ся... Друг называется!

– Я же не специально; думал, что рукомойник, – Славка приобнял немца и чмокнул его в щеку.

– Телячьи нежности, – фыркнула Трусиха, юркнув в открытую настежь детсадовскую дверь столовки, откуда вкусно пахло гречневой кашей и клубничным компотом. Умнова с Пестиком последовали за ней.

Трусиха обернулась:

– А плохо быть птичкой...

– Почему? – спросила Маша.

– Захочешь поцеловать маму и уклонишь ее.

Неожиданно в столовой все стихло. Славка даже услышал, как одинокая муха бьется в окно, а за стеклом тикают круглые детсадовские часы. Возможно, он даже услышал, как минутная и часовая стрелки соединились друг с другом, замерев в приветственном экстазе на цифре 8. Из столовой вышла тетя Ариадна, Ариадна Сергеевна Спасская, старшая воспитательница, чью миловидность не испортили богатый

жизненный опыт и невероятный рабочий стаж. За ее спиной возвышалась повариха Зинка Щепкина, 30-летняя вдова с бицепсами Геркулеса и цепким взглядом мисс Марпл, взглядом, от которого не ускользает ничто. Детвора ее справедливо побаивалась, а за глаза так и называла – «Зинка Геркулес». Кто и когда дал ей это прозвище, найдя в нем удачное сочетание щепкинской природной мощи и кулинарного призвания, – об этом история умалчивала.

При виде Зинки хлюпенький Фри втянул голову в плечи, в очередной раз пожалев о том, что он не страус.

– Фридрих, пройди, пожалуйста, в столовую. Нам нужно поговорить со Славой.

Фри с трудом протиснулся внутрь между дверным косяком и тучным Зинкиным телом.

– Вечные вопросы ходят по улице, – процедил он сквозь зубы.

– Послушай, Слава, ты ведь уже в курсе, что Люба Пересветова не вернулась с прогулки?

– Нет, тетя Ариадна, – Колбешкин стрельнул глазами на Зинку Геркулес; та смотрела в темнеющее небо, – я думал, она здесь.

– Ее здесь нет... Прежде чем звонить в милицию, мне бы хотелось выяснить: ты не знаешь, где она? Вы ведь дружите...

– Лучше спросите у дедушки Пандалло, а я ничего не знаю.

– Я обязательно спрошу об этом дедушку Пандалло, – воспитательница взяла Славку за рукав. – Но ты же у мальчишек командир!.. Может, она снова без спроса домой сбежала? Я, право, очень боюсь раньше времени звонить ее родителям.

– Я ничего не знаю, – повторил Славка и прошмыгнул в столовку, где к старым запахам присоединился новый, запах, который ни с чем не спутаешь, запах недоверия и страха.

– Что уставились? – спросил он у вперившихся в него ребят; все немедленно, словно по указке, принялись поглощать кашу, к которой Славка даже не притронулся. Он отодвинул и компот, легонько толкнув в бок сидящего рядом Фри.

– Ты почему не пошел играть с нами в прятки? Опять читал?

Фри многозначительно посмотрел в белый потолок, усеянный мошкаррой.

– Я следил за Чумазым...

– И что?

Фри пододвинулся к Славке ближе:

– У него на левой ноге шесть пальцев. Мне папа рассказывал, что если у пацана шесть пальцев на левой ноге, то это отметина колдуна.

– И что с того?

– Чумазый – самый настоящий колдун, только он об этом еще не знает. Это проявится много позже, когда он вырастет. Посмотрит такой на тебя, сразу зайкой сделаешься... А то и умрешь!

– Ешьте молча! – цыкнула на них вошедшая Зинка Геркулес. – Ну-ка вспомнили все: когда я ем...

– Я глух и нем! – хором, кто в лес – кто по дрова, закончили за ней дети. Промолчал лишь Колбешкин.

– Слушай, Слав, – снова зашептал Фри, когда Зинка пошла на мойку к своей помощнице Фроловой. – Давай ему палец ночьюотрежем!

– Ты спятил? – Колбешкин посмотрел на высунутые из-под стола ноги Чумазого, небрежно упакованные в рваные зеленые носки, скрывающие отметину колдуна. – Для того, чтобы резать пальцы, нужно много и долго учиться. Ты думаешь, взял нож и уже хирург? Нет! Конечно, если потренироваться на собаках...

Тетя Ариадна не дала ему закончить мысль, трижды громко хлопнув в ладоши и пригласив всех на «Спокойной ночи, малыши!»

– Кстати, – поднимаясь, вспомнил о чем-то немец, – один раз зашел я в спальню к родителям, а они трясутся в постели под одеялом. «Чего это вы трясетесь?» – спрашиваю. А отец высунулся и говорит: «Очень Хрюшу боимся».

– Не пойдем смотреть, – предложил Славка.

– Не пойдем, – согласился Фри. – Лучше подумаем, как от колдуна избавиться, на собаках потренируемся.

– Надоел ты со своими колдунами, хотя...

Чья-то ложка упала со стола и звякнула о столовую плитку: ложку уронила Юля-вреднуля, дочь троих родителей

(именно так услышал о ней однажды Славка от сторожа Пандалло, тот рассказывал что-то Фроловой, помощнице поварихи), скользкое и противное существо с хитрыми глазками, вечно спрятанными под русой челкой. Юля уже поднялась со своего места и хотела, было, быстренько ускользнуть от ребят, но Славка успел ухватить ее за шелковое платице.

– Ты чего? Подслушивала?

– Нет же! – начала оправдываться Юля. – Я только о собаках... Но ничего не поняла. Да и не хотела я.

– Повезло тебе, – угрожающе сказал Фри. – А то бы...

– У нас тоже собака есть, – подошла к ним Катя Прокофьева. – Угадайте, какая?

– Какая? – переспросил Фри.

– Немецкая овчарка! – с гордостью сообщила Катя.

– В плен сдалась, что ли? – удивилась Юля-вреднуля, покосившись на Фри.

– Да заткнитесь вы! – Славка Колбешкин оттолкнул девчонок и вышел из столовки, чуть задержавшись у натюрморта, что висел над холодильником.

Славка часто замирал перед этой картиной, погружаясь в себя – все глубже и глубже, глубже и глубже – и волосы вставали дыбом от того, что видел он на самом дне. Но сегодня его неисправимо влекла свобода осеннего ветра, и только очутившись на пороге, он сразу почувствовал его свежее дыхание. К дыханию ветра примешивался и тот самый утренний аромат, что заставлял сильнее биться Славкино

сердце, но Колбешкин тут же отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.